Д. А. Лухмановъ.

„На сушѣ и въ морѣ“

Стихотворенія.

Маріуполь,
Электро-типогр. Бр. Э. и А. Гольдринъ
1911

I.

Пять стихотвореній,

посвященныхъ памяти недавняго прошлаго.

Призывъ.

Къ выборамъ въ первую
Государственную Думу.

Кто любитъ Русь,какъ сынъ, безъ фальши и обмана,
Кому, какъ мать, отчизна дорога,
Кто безъ риторики и громкихъ фразъ тумана
Идти способенъ смѣло на врага,
Кто не считается ни съ модою, ни съ свѣтомъ,
Кому въ дни наши мужество дано,
Чей умъ не затемненъ ни чьимъ авторитетомъ,
Кто видитъ самъ, что бѣло, что черно,
Кто добивается лишь правды абсолютной
И популярности не ищетъ хоть минутной,
Кто смѣлъ и прямъ,—не медлите,—впередъ!
Васъ Русскій Царь, васъ Русь святая ждетъ!

Бастуйте!

Бастуйте всѣ! Долой оковы!
Долой тяжелый, рабскій трудъ!
Долой тиранія основы,
И цѣпи съ звономъ пусть падутъ!
Бастуйте всѣ! Всѣ за свободу!
И богу модному въ угоду
Россіи мощь, богатство, честь
Спѣшите на алтарь принесть...
Бастуйте всѣ! Настало время,
Прикрывшись блескомъ громкихъ фразъ,
Труда и знанья сбросивъ бремя,
Всѣ блага требовать заразъ.
Пусть кровью братской Русь святая
Обагрена, напоена,
Огнемъ пожаровъ залитая,
Пускай до тла разорена,—
Бастуйте всѣ!... Пусть иностранцы
Войска и флоты къ намъ пришлютъ,
Пусть благодарные германцы
Балтійскій берегъ отберутъ,
Край туркестанскій—англичане,
Сибирь—японцы,—что-жъ съ того?
Бастуйте дружно, россіане,
Вамъ дѣла нѣтъ ни до чего.

Бастуйте, кровь ручьями лейте,
Душите брата, какъ врага,
Но только говорить не смѣйте,
Что вамъ Россія дорога!

Основная программа.

Сколько свѣтлыхъ идей!
Сколько новыхъ людей!
Сколько партій у насъ появилось,
Сколько новыхъ союзовъ родилось!
И предложено намъ
Столько всякихъ программъ,
Что, какъ хочешь ты можешь стараться,—
Невозможно во всѣхъ разобраться....
И мутятся умы
Отъ партійной той тьмы,
И создали ужасную драму,
Позабывъ основную программу:
Не воруй, не убей,
Бога въ сердцѣ имѣй,
Не завидуй богатству чужому,
Будь къ себѣ такъ-же строгъ, какъ къ другому,

Почитай стариковъ,
Заступайся за вдовъ,
Не развратничай, лжи опасайся,
Да помочь всѣмъ просящимъ старайся.

Semper progredi!

Посвящается партіи
думскаго центра.

Поднимайте свой якорь! довольно стоять
Среди порта, покрытаго тиной!
Камни, мели кругомъ. Но не будемъ зѣвать
И смущаться опасной картиной.
Зорко взглянемъ впередъ!
Пусть корабль нашъ плыветъ,
Управляемый твердой рукою.
Вѣрьте, страхъ нашъ пройдетъ,—
Правьте только впередъ,
Не ищите трусливо покоя.

* * *

Пусть закрыто все небо свинцовою мглой,
Пусть вздымаются волны, какъ горы,
Пусть реветъ въ такелажѣ немолчный и злой
Ураганъ,—не бѣда, наши взоры
Мы направимъ впередъ!

Пусть корабль нашъ плыветъ
Управляемый твердой рукою.
Вѣрьте,—буря пройдетъ,—
Правьте только впередъ,
Не ищите трусливо покоя.

* * *

И настанетъ тотъ день, когда славная цѣль
Вдругъ очутится близко предъ нами,
Далеко-жъ позади будутъ страшная мель
И фарватеръ, покрытый камнями.
Лишь смотрите впередъ!
Пусть корабль нашъ плыветъ,
Управляемый твердой рукою.
Вѣрьте,—зло все пройдетъ,—
Правьте только впередъ,
Не ищите трусливо покоя.

Памяти русскихъ моряковъ,
погибшихъ въ Цусимскомъ бою.

Чесьма, Синопъ и Наваринъ
Намъ славу вѣчную стяжали
И, какъ дерется славянинъ,
Наглядно міру показали.
Свалясь съ врагомъ на обордажъ,
Какъ львы, грудь съ грудью дрались дѣды,
И гибъ геройски экипажъ,
И смертью покупалъ побѣды.
Могли къ побѣдамъ приводить
Тогда лишь доблесть и отвага,
И трусъ не могъ тамъ побѣдить,
Гдѣ участь битвъ рѣшала шпага.
Теперь другія времена,
Другіе нравы наступили,—
Отвага больше не нужна,
Машины доблесть замѣнили.
Погибли наши корабли,
Какъ звѣрь въ разставленномъ капканѣ,
У береговъ чужой земли,
Въ чужомъ, далекомъ океанѣ...
Но старины завѣтъ сѣдой
Героевъ внуки сохранили:
Скрываясь съ судномъ подъ водой,
Они врагу въ отвѣтъ палили.

И. если имъ, какъ встарь, стяжать
Не довелось лихой побѣды,—
Они съумѣли умирать
Съ такой-же славой, какъ и дѣды.

II.

Элегіи, думы, соннеты, посланія.

Къ морю.

Къ тебѣ душою рвусь я, море!
Къ тебѣ, безбрежное, спѣшу,
И только на твоемъ просторѣ
Я грудью полною дышу...
Идетъ, гудитъ, вздымая пѣну,
Могучій океанскій валъ,
Вотъ налетѣлъ, ему на смѣну
Уже другой сердито всталъ...
А между грозными валами,
Могучей грудью ихъ дробя,
Идетъ корабль подъ парусами,
Вздымая пѣну вкругъ себя.
Пусть буря злобно завываетъ,
Пусть волны бьютъ въ борта его,
Пусть громъ гремитъ, гроза сверкаетъ,
Имъ не разрушить ничего!
Покоенъ кормчій, твердо зная,
Что стихнетъ буря, смолкнетъ громъ,
И солнце, ярко вновь сверкая,
Засвѣтитъ въ небѣ голубомъ.

Утесъ.

Чернѣетъ утесъ одиноко,
Поднявшись изъ бездны морской.
И слышенъ далеко, далеко
Рокочущій моря прибой.
И бѣлые гребни, вздымаясь,
Рядами на приступъ идутъ
И, въ мелкую пыль разбиваясь,
О скалы отвѣсныя бьютъ.
Но крѣпокъ утесъ тотъ гранитный,
Стоитъ онъ ужъ тысячи лѣтъ
И чернымъ лишь мохомъ покрытый,
Не знаетъ ни горя, ни бѣдъ.
Не знаетъ онъ сердца желаній,
Не знаетъ томительныхъ слезъ,
Не чувствуя мукъ и страданій,
Стоитъ, погруженный въ міръ грезъ.

Прощаніе.

Попутному вѣтру не радъ я впервые,
Меня не манятъ небеса голубыя,
Не тянутъ къ себѣ ужъ моря, океаны
И новые люди, и новыя страны.
Но поздно... Къ отплытію шхуна готова,
Трепещатъ на вѣтрѣ ея паруса,
Я снова на палубѣ, въ морѣ я снова,
Вода обступила, кругомъ небеса...
А сердце разбитое къ берегу рвется,
Ласкающій голосъ въ ушахъ раздается...
Довольно! прощай-же моя дорогая,—
Меня ждетъ дорога, тебя-же другая.

Сонъ.

Я видѣлъ сонъ. Мнѣ снилось, будто я
На кораблѣ, въ далекомъ, тепломъ морѣ,
А волны, ласково вокругъ меня шумя,
Несутся вдаль, играя на просторѣ.
И солнце радостно картину освѣщало,
Играя вѣтеръ дулъ въ большіе паруса,
И тысячью цвѣтовъ, казалося, сверкала
За кораблемъ изъ пѣны полоса.

И каждая волна шептала, пробѣгая,
Слова надежды, вѣры и любви,
И я глядѣлъ, весь міръ позабывая,
И слезы счастія изъ глазъ моихъ текли.

„По расписанію".

Тучи мрачныя грозной стѣной
Горизонтъ безъ просвѣта закрыли,
Съ ревомъ мчится волна за волной,
И несутся столбы водной пыли.
Вѣтеръ воетъ, какъ стая волковъ,
Хлещетъ дождь по лицу безъ пощады,
Но покойны сердца моряковъ—
Имъ погода не ставитъ преграды.
Раздается послѣдній свистокъ,
Вотъ винты ужъ запѣнили воду,
Поднятъ якорь, и легкій толчокъ
Пролетѣлъ по всему пароходу.
И пошелъ онъ, паря и дымясь,
То глубоко въ волнахъ зарываясь,
То жестоко подъ вѣтеръ кренясь,
То порывисто, рѣзко качаясь...

Чайки

Тамъ гдѣ грозный прибой
Со скалой ведетъ бой
И милліонами брызгъ разсыпается,
Гдѣ средь пѣнистой мглы
Бьются съ ревомъ валы,
Чайка гордая плавно качается.
Ей не страшенъ прибой!
Пусть ведетъ себѣ бой,
Пусть онъ рушитъ громады извѣчныя,
Она будетъ летать
И съ волнами играть,
И кричать свои пѣсни безпечныя.

Старый фрегатъ

Въ гавани, мирно въ волнахъ отражаясь,
Фрегатъ полусгнившій стоитъ,
Всѣми заброшенный. Тихо качаясь,
Кажется, будто онъ спитъ.
Мачты поломаны, порты открыты,
Кой гдѣ остатки снастей
Треплятся, чудомъ какимъ-то забыты
Жадностью дикой людей.

Дремлетъ старикъ. И несутся видѣнья,
Вставши изъ мрака могилъ,
Грезятся старому бури, сраженія,
Видитъ себя полнымъ силъ...
Вотъ онъ со стапеля спущенъ лишь въ воду
Въ этомъ-же портѣ стоитъ,
Клики, на палубѣ масса народу,
Музыка стройно гремитъ...
Вотъ онъ и въ морѣ. Сквозь черныя тучи
Трепетно свѣтитъ луна,
Злится и крѣпнетъ все вѣтеръ могучій,
Выше и выше волна...
Вотъ онъ въ бою, и громы изрыгая,
Мѣтко, всѣмъ бортомъ палитъ.
Врагъ побѣжденъ и, свой флагъ опуская,
Храброму сдаться спѣшитъ...
Много фрегату картинъ еще снится,
Тяжко онъ, бѣдный, скрипитъ,
Словно не хочетъ никакъ примириться
Съ тѣмъ, что его вѣкъ прожитъ.

Нашъ фрегатъ

(*учебное судно Одесскаго училища торговаго мореплаванія*).

Онъ не надеженъ, старъ и слабъ,
Онъ ходитъ на буксирѣ,
Онъ, бывшій царь морей, сталъ рабъ,
Какъ все превратно въ мірѣ!
Давно-ли гордость англичанъ—
„Hesperus" *) знаменитый
Онъ гордо рѣзалъ океанъ
Подъ бури ревъ сердитый.
Теперь, на ржавыхъ якоряхъ,
Почти разоруженный
Стоитъ въ печальныхъ онъ Хорлахъ, **)
Балластомъ нагруженный.
Но отчего-же всѣ суда,
Что мимо пробѣгаютъ,
Предъ нимъ почтительно, всегда,
Флагъ низко приспускаютъ?
Чѣмъ онъ почетъ сей заслужилъ?
Чѣмъ такъ себя прославилъ?
Неужли-жъ тѣмъ, что грузъ возилъ,
Купцу барышъ доставилъ?
Иль онъ съ врагами воевалъ
Своей отчизны милой,

*) Hesperus — прежнее имя судна

**) Маленькій портъ въ Каркенитскомъ заливѣ Чернаго моря.

И славу бранную стяжалъ
Отвагою и силой?
Нѣтъ, нашъ фрегатъ не зналъ враговъ
И врядъ-ли ихъ узнаетъ,—
Торговыхъ мирныхъ моряковъ
Онъ мирно обучаетъ.
И неустанно, десять лѣтъ
Идетъ его работа,
И вноситъ онъ познаній свѣтъ
Въ среду роднаго флота.
Вотъ, отчего средь моряковъ
Снискалъ онъ уваженье,
И всякъ изъ нихъ всегда готовъ
Отдать ему почтенье.

Ручей мира

(*Кабардинская легенда*)

Тонкой, узкой, чистой полосой
Бѣжитъ по ущелью ручей
И такою онъ блещетъ красой,
Что нельзя отвести очей.
Вода прозрачна и холодна,—
Родятъ эту воду ключи,—
Сквозь нее проникаютъ до дна
Могучіе солнца лучи.

И сверкаютъ въ ней краски небесъ,
И сверкаютъ въ ней форели,
А вокругъ ручья шумитъ лѣсъ,
Все пихты, сосны да ели.
Тѣснятся вокругъ ручья скалы,
Трудно найти его средь горъ.
Прибѣгаютъ къ ручью шакалы,
Въ скалахъ много ихъ мрачныхъ норъ.
Иногда быстроногій джейранъ
Прибѣгаетъ къ ручью и пьетъ,
Пьетъ изъ него и дикій кабанъ,
Барсъ тоже къ нему пить идетъ.
Прилетаютъ къ ручью и птицы:
Золотистые фазаны,
Гордые орлы и орлицы,
Даже морскіе бакланы.
И по мудрой волѣ Алаха
Всѣ подходятъ смѣло къ ручью
И какъ братья, дружно, безъ страха,
Утоляютъ жажду свою.

Любовь.

Люблю... Не рѣдко это слово
Я въ упоеньи повторялъ,
И всякій разъ оно такъ ново,
Такъ полнъ всегда любви бокалъ...
Но лишь горящими устами
Прильну къ искрящимся краямъ,
Лишь въ міръ иной умчусь мечтами,
Лишь сладостнымъ отдамся снамъ,
Какъ просыпаюсь... И далеко
Ужъ дивный сонъ... Любовь прошла...
И только на челѣ, глубоко,
Морщина новая легла.

Уйди.

Уйди! Не поможешь своимъ утѣшеньемъ!
Тебѣ не понять никогда моихъ слезъ,
И въ сердцѣ моемъ борьбы вѣры съ сомнѣньемъ,
И юности пылкихъ несбыточныхъ грезъ.
Я плачу о томъ, что мечты молодыя
О славѣ, о подвигахъ, полныхъ чудесъ,
Пришлось мнѣ признать лишь за сны золотые,
Пришлось мнѣ на землю спуститься съ небесъ.

Я плачу о томъ, что герои мельчаютъ,
Что люди богатство и власть только чтятъ,
Что муза и геній свой вѣкъ отживаютъ,
И деньги повсюду лишь властно царятъ.

Поэту.

Блаженъ поэтъ, что въ тѣ мгновенья,
Когда злость, зависть иль сомнѣнье
Тѣснятъ измученную грудь,
Скорѣе, чѣмъ когда нибудь,
Къ нему приходитъ вдохновенье,
И пѣсня полная прощенья,
Любви, восторговъ, упоенья
Польется вдругъ изъ подъ пера,
Будя инстинкты въ немъ добра,
И міръ прекраценъ и великъ
Предъ нимъ воспрянетъ въ этотъ мигъ.

Дѣвушкѣ.

Я чувствую ужъ осени дыханье,
Мой путь къ концу,
И юности горячія мечтанья
Мнѣ не къ лицу.
А вы, мой другъ, такъ нѣжны и такъ юны,
Вкругъ васъ весна,
Звучатъ призывомъ въ вашемъ сердцѣ струны,
Жизнь не страшна.
Ахъ, если-бъ лѣтъ остановить теченье,
Весну вернуть,
Помолодѣть хоть на одно мгновенье,
А тамъ—уснуть!

Друзьямъ

Застольное слово.

Господа! Я за ваше здоровье
Поднимаю высоко бокалъ,
Но для общаго счастья условье
Предложить я одно бы желалъ:
Я-бъ хотѣлъ, чтобы тѣ, кто собрались
Въ этотъ свѣтлый и радостный день,
Здѣсь торжественно честью поклялись,
Что, какъ только малѣйшая тѣнь
Между дружбою нашею ляжетъ,
Кто замѣтитъ,—сейчасъ-же пусть скажетъ.

Недомолвки — ужасное зло,
И людей развитыхъ недостойны:
Душу вылилъ свою — и прошло,
Умъ проясненъ, и сердце покойно.
Будемъ прямы и смѣлы всегда,
Отношенья упрочимъ простыя,
И нашъ тѣсный кружокъ никогда
Не разстроятъ обиды пустыя.

В. Н. Денисову.

Василій Николаевичъ! I am poor man,
Вамъ это отлично извѣстно,
Отъ жизни и службы все жду перемѣнъ,
Покуда-жъ, — живу очень тѣсно...
Такъ вмѣсто подарка примите привѣтъ,
Съ нимъ вмѣстѣ мое пожеланье
Прожить еще много счастливыхъ Вамъ лѣтъ
Не зная, что значитъ страданье.
Не зная, что значитъ душевный разладъ,
Не зная, что значитъ сомнѣнье,
Не зная, что значитъ безвѣрія ядъ
Иль къ близкимъ людямъ подозрѣнье.

И вѣрьте, въ столицѣ, иль въ сельской глуши
Я дни коротать свои буду,
Такой удивительно чистой души
Какъ ваша, я вѣкъ не забуду.

В. А. фонъ Дрентельнъ.

Экспромтъ.

Я знаю многіе примѣры,
Что съ именемъ прелестнымъ Вѣры
Бываетъ связана душа,
Какъ утро мая, хороша.
И вотъ, я васъ совсѣмъ не зная,
Все-жъ чуткой чувствую душой,
Что въ васъ душа не показная,
А умъ и свѣтлый, и большой.

С. А. Р.

Въ исканьи новыхъ жизни формъ,
Какъ чистокровный русопётъ,
Ты вздумалъ нюхать хлороформъ,
Рѣшивъ свести послѣдній счетъ!?
Скажи, какъ другу, откровенно,
Не хмѣль-ли этому виной?
Зачѣмъ хотѣлъ ты непремѣнно
Къ утѣхамъ жизни стать спиной?
Что ждалъ на томъ ты встрѣтить свѣтѣ?
Что въ этомъ свѣтѣ потерялъ?
Иль на невѣдомой планетѣ
Хотѣлъ искать свой идеалъ?...
Мужайся, вѣрь, не такъ ужъ труденъ
Путь жизни, небомъ данный намъ,
А Божій міръ великъ и чуденъ,
Ищи—и все обрящещь самъ.
Ищи всю жизнь, ищи упорно,
Не бойся въ даль бѣгущихъ лѣтъ
И вѣрь, что какъ Колумбъ, безспорно,
И ты откроешь новый свѣтъ.
Откроешь ты тотъ островъ счастья,
Что видѣлъ изрѣдка во снѣ,
Гдѣ нѣтъ тумановъ, нѣтъ ненастья,
А только радости однѣ.

И если ты сберечь съумѣешь
Средь жизни сердца чистоту,—
Ключами жизни завладѣешь
И на яву найдешь мечту.

Юлію Эдуардовичу Рего

по случаю окончанія землечерпательныхъ работъ по доведенію Маріупольскаго порта и подходного къ нему канала до 24-хъ фут. глубины.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ
Вы смѣло взялись за работу
И откопали чудный кладъ
На благо міровому флоту.
Подъ вашей честною рукой
Машины, люди все сплотилось
И силы не было такой,
Чтобы предъ вами не сломилась.
Ряды желѣзныхъ черпаковъ
Упорно дно морское рыли,
И, вырывъ милліонъ кубовъ,
Намъ портъ глубокій подарили.
„Сюда, по чуждымъ имъ волнамъ
Пришли всѣ флаги въ гости къ намъ“:
Французъ веселый, хмурный шведъ,
Германецъ, грекъ и итальянецъ,
Австріецъ, — хитрый нашъ сосѣдъ, —

И старый волкъ морской—британецъ
Отъ береговъ своей земли
Шлютъ къ намъ за грузомъ корабли.
И вотъ—плодъ вашего труда:
Въ порту быломъ для каботажа
Свободно грузятся суда
Полумилльоннаго тоннажа.
Явился спросъ, явился сбытъ,
Торговля наша расцвѣтала,
Открылись банки и кредитъ,
И оборотъ для капитала.
Спасибо вамъ, мы знаемъ васъ,
И прямо говоримъ безъ лести,
Безъ комплиментовъ и прикрасъ:—
Вы человѣкъ труда и чести.
И, поднимая свой бокалъ
За васъ отъ полноты душевной,
Мы пьемъ за свѣтлый идеалъ,
Столь рѣдкій въ жизни повседневной.

III.

Примѣты моряковъ о погодѣ (переводъ съ англійскаго).

Предсказанія ожидаемой погоды по виду неба.

I.

Если небо красно съ вечера,
Моряку бояться нечего;
Если жъ красно по утру,
Моряку не по нутру.

II.

«Барашки-ль» *) по небу бѣгутъ,
Иль «небо ангелы метутъ» **),
Коль въ трюмѣ груза не имѣешь,
Сбавь парусовъ, —не пожалѣешь.

III.

Вечеромъ небо коль полно огня,
Утромъ-же зорю туманъ застилаетъ,—
Вѣрные признаки чуднаго дня,
Старый морякъ парусовъ прибавляетъ.

IV.

Коль рѣзокъ контуръ облаковъ,
Ко встрѣчѣ съ вѣтромъ будь готовъ,
Когда-жъ ихъ контуры мягки,
Тогда всѣ вѣтры далеки.

V.

Если солнце сѣло въ тучу,
Берегись, — получишь бучу,
Если-жъ солнце сѣло въ воду,
Жди хорошую погоду.

---

*) „Барашки" — перисто кучевыя облака—cirro cumulus.

**) „Небо ангелы метутъ" —перистыя облака—cirrus.

Примѣты во время шквалистой погоды.

VI.

Если тучи, сплотившись, по небу летятъ,
Скоро всѣ снасти твои затрещатъ;
Если-жъ на клочья начнутъ онѣ рваться,
Ставь брамселя, ихъ не стоить бояться.

VII.

Если дождь, а вѣтеръ вслѣдъ,—
Чтобъ избавиться отъ бѣдъ,—
Ни минуты не зѣвай,
Марсафалы отдавай.
Если-жъ вѣтеръ предъ дождемъ,
Отдавать ихъ подождемъ.

Замѣчанія относительно морскихъ птицъ.

VIII.

Чайки коль къ берегу держатъ свой путь,
Вѣтеръ здоровый, повѣрь, будетъ дуть.

IX.

Ходятъ чайки по песку,
Моряку сулятъ тоску,
И, пока не влѣзутъ въ воду,
Штормовую жди погоду.

Предсказанія по наблюденію надъ барометромъ.

X.

При низкомъ барометрѣ стрѣлки паденье,
Требуетъ въ морѣ вниманья и бдѣнья,
И шкиперъ разумный тогда лишь заснетъ,
Когда онъ высоко и кверху идетъ.

XI.

При низкомъ барометрѣ первый подъемъ, —
Шквaловъ здоровыхъ навѣрно мы ждемъ.

XII.

Сразу вверхъ, или сразу внизъ,
То погоды лишь капризъ,
Ну, а если постепенно,
Стрѣлка внизъ иль вверхъ идетъ,
Будетъ вѣтеръ непремѣнно,
И не скоро онъ пройдетъ.

IV.

Шутки, сатиры, шаржи.

Походъ Генерала Гродекова на Гиринъ

„Malbrough s' en va t' en guerre
„Ne sait quand reviendra"

Гродековъ въ кабинетѣ
Недѣли двѣ сидѣлъ;
Забывши все на свѣтѣ,
На карту все глядѣлъ.

Рѣшилъ онъ безъ пощады
Китайцевъ наказать,
И помощью осады
Гиринъ мятежный взять.

На подвигъ исполинскій
Собрался генералъ,
И имя «Графъ Гиринскій»
Въ умѣ ужъ повторялъ.

Съ Беневскимъ распростившись,
Онъ сѣлъ на пароходъ
И, Богу помолившись,
Отправился въ походъ.

Плыветъ онъ дни и ночи,
Проплылъ уже Сянъ-Синъ,
Спѣшитъ, что только мочи,
Въ Гиринъ, въ Гиринъ, въ Гиринъ!

Плывутъ большимъ отрядомъ
Пантоны, пушки, мостъ
И съ воинскимъ снарядомъ
Баржей предлинный хвостъ.

Успѣхъ былъ обезпеченъ,
Лишь только не зѣвай!...
Но не для нихъ испеченъ
Былъ этотъ каравай...
Покуда поднимался
Гродековъ по рѣкѣ,
Ужъ Ренненкампфъ примчался
Къ Гирину налегкѣ.
Томимый жаждой славы,
Подбодренъ коньякомъ,
Онъ ради для забавы
Гиринъ взялъ съ деньщикомъ...
Не надобно пантоновъ,
Не надобно мостовъ,
Ни пушекъ, ни патроновъ,
Ни ружей, ни штыковъ!

Прощаніе съ Петровскомъ Дагест. Обл.

Прощайте! Ѣду я въ Перновъ.
Безъ длинныхъ фразъ, безъ лишнихъ словъ
Я вамъ друзья сказать готовъ:
Тамъ климатъ холоденъ, суровъ,
Тамъ снѣгъ бываетъ въ день Петровъ,
Тамъ обанкрутишься отъ дровъ,
Тамъ не увидишь южныхъ сновъ.

Тамъ нѣтъ икры, нѣтъ осетровъ,
Тамъ пасторы, и нѣтъ поповъ, —
Повѣрьте мнѣ, Перновъ таковъ!
Но, Богъ съ нимъ, — ѣхать я готовъ!

В. С. Щербову.

Гдѣ горъ туманныя вершины
Стремятся къ южнымъ небесамъ,
Гдѣ жгутъ и рѣжутъ осетины,
Гдѣ умыкаютъ въ сакли дамъ,
Гдѣ надуваютъ всѣхъ армяне,
Гдѣ колобродятъ россіане,
Гдѣ лишь природа хороша,
А жизнь не стоитъ и гроша —
Ты жилъ! Мы за тебя страдали
И возвращенья ожидали,
Считая дни, считая ночи.
Отъ слезъ не стало, просто, мочи:
Но наступилъ вдругъ часъ нежданный,
И ты, нашъ другъ многожеланный,
Къ своимъ пенатамъ, въ домъ родимый
Вернулся ларами хранимый!
Вернулся живъ, здоровъ и цѣлъ.
Тебя обидѣть не посмѣлъ
Ни мосульманинъ, ни грузинъ,
Ни „бунда“ членъ, ни армянинъ!

Ты вновь у насъ! Здоровъ, прекрасенъ,
Твой взоръ, какъ въ старь, привѣтливъ, ясенъ.
Нарзанъ тебя помолодилъ,
Но пива пить... не отучилъ.

Все проходитъ.

Шестнадцать лѣтъ всего ей было,
Ему-же— только двадцать два.
Имъ все казалось въ жизни мило:
Манилъ ихъ лѣсъ, цвѣты, трава;
Просторъ полей и шумъ прибоя
Ихъ умилялъ и веселилъ
И, сердце сладко безпокоя,
Имъ счастье вѣчное сулилъ.
Когда-же лучъ послѣдній свѣта
На горизонтѣ угасалъ,
„Онъ“ звукомъ сладостнымъ кларнета
Любви восторгъ въ „ней“ пробуждалъ.
Лилися сладостные звуки,
Бѣжала сладостная ночь,
И всѣ заботы, страхи, муки
Отъ нихъ далеко мчались прочь...
Прошло шесть лѣтъ. И богъ крылатый,
Стрѣлою ранивъ ихъ сердца,
Ушелъ съ улыбкой плутаватой
Изъ ихъ кристальнаго дворца...

И все мгновенно измѣнилось:
Лѣса, поля, трава, цвѣты, —
Все красокъ яркихъ вдругъ лишилось,
И нѣтъ въ нихъ прежней красоты...
Въ пыли лежатъ куски кларнета,
„Она“ на кухнѣ занята,
А „онъ“, съ лучемъ послѣднимъ свѣта,
Партнеровъ ищетъ для винта.

Herr Amende und Herr Nobel

(Керосиновая трагикомедія)

Въ Перновѣ древнемъ проживалъ
И керосиномъ торговалъ
Amende Herman — grosser Herr,
Коль вѣрить людямъ милльонеръ,
Онъ, продавая керосинъ,
Построилъ домъ здѣсь не одинъ,
И его круглый капиталъ
Все прибывалъ, да прибывалъ
И Herr Amende, наконецъ,
Рѣшилъ шикарнѣйшій дворецъ
Въ новѣйщемъ стилѣ, съ башней даже,
Построить на Перновскомъ пляжѣ.
Все можно съ деньгами. И вотъ,
Прошелъ еще не полный годъ,
Постройкѣ близится конецъ
Вчернѣ оконченъ весь дворецъ.

Фасада пестрые узоры
Пріятно волновали взоры,
Финляндскій мраморъ и гранитъ
Давалъ дворцу солидный видъ,
Литая вся изъ чугуна
Рѣшетка вкругъ обведена,
На бѣлой крышѣ солнца лучъ
Игралъ, сверкая изъ за тучъ,
И, словно замокъ феодала,
Постройку башня завершала...
Amende счастливъ! Но бѣда
Идетъ за счастьемъ вслѣдъ всегда.
Вдругъ керосиновый король
Ему сказалъ: „Mon cher, позволь,
Нашелъ ты въ керосинѣ кладъ,
Построю-ка я самъ здѣсь складъ,
Самъ буду деньги наживать,
Построить складъ мнѣ наплевать!“
И вотъ, въ одно мгновенье ока,
Въ Перновъ доставленъ изъ далека
Въ частяхъ большой резервуаръ
И собранъ здѣсь. Au revoir
Доходы ваши, Herr Amende,
Nicht Wahr, unangeneme Ende?
И не, достроивъ свой дворецъ,
Amende шепчетъ: „о Творецъ!
O, mein lieber Herr Nobel,
Вѣдь этакъ сяду я на мель!“

И керосиновый король
Сказалъ, подумавши: „Изволь,
Тебя не буду подрывать,
Мы можемъ вмѣстѣ наживать:
Будь ты, Amende— милльонеръ,
Въ Перновѣ мой комиссьонеръ!“

Городъ Перновъ

купленъ

Курортовъ много разныхъ на Руси,
Ихъ публика охотно посѣщаетъ,
Но за курорты всѣ скажу merci
Тамъ жизнь карманы только истощаетъ.
Не то Перновъ,
Онъ не таковъ,
Не разоритъ онъ никого:
Тамъ воздухъ чистый
И паркъ тѣснистый
Не стоятъ ровно ничего!
На всѣхъ курортахъ любятъ доктора
Аптекаря нѣжнѣй, чѣмъ паціента,
Рецепты пишутъ съ ранняго утра
И отъ аптеки ждутъ себѣ презенты.

Не то Перновъ,
Онъ не таковъ,
Тамъ не нужны совсѣмъ врачи:
Ступай въ „Луфтъ бадъ“,
Какъ въ райскій садъ,
Себя тамъ воздухомъ лечи!
На всѣхъ курортахъ нравственность шатка,
На всѣхъ курортахъ нравы безобразны,
Тамъ что ни шагъ,— то двери кабака,
Кафешантанъ и разные соблазны.
Не то Перновъ,
Онъ не таковъ,
Вездѣ тамъ нравственность царитъ:
Соблазновъ вмѣсто
Три киндерфеста
Нашъ городъ дачникамъ даритъ.
Вотъ почему курортовъ всѣхъ милѣй
Перновъ, курортъ простой и симпатичный
И если есть у васъ хоть сто рублей,
Вы проведете тамъ сезонъ отличный
Въ Перновѣ часто
Живутъ лѣтъ за сто
И не болѣютъ никогда
И лишь отъ скуки,
Совсѣмъ безъ муки
Тамъ умираютъ иногда!

Прощаніе съ Перновомъ.

Отъ хладныхъ, топкихъ береговъ,
Отъ елей, сосенъ и морошки,
Отъ мрачныхъ эстовъ-мужиковъ
И отъ разваренной картошки
Судьба всесильною рукой
Меня уноситъ въ край такой,
Гдѣ, жаркимъ солнцемъ залитые,
Стоятъ роскошные сады,
Гдѣ зрѣютъ грозди золотыя
И юга нѣжные плоды,
Гдѣ рай... Но все-же, отъ души,
Съ Перновомъ жалко мнѣ разстаться:
Хоть фрукты юга хороши,
Боюсь на „фруктовъ" я нарваться.

Ароматъ страсти

Посвящается З. Гусь

Я бѣлой капусты кочанъ.
Листы плотноблѣдные властно
Сжимаютъ мой дѣвственный станъ,
Сжимаютъ ревниво и страстно.
Томленьемъ пурпурнымъ полна,
Стою холодна я, какъ камень,
А страсти безбрежной волна
Мнѣ сердце сжимаетъ, какъ пламень.

Когда-же слизнякъ сладострастный
Проникнетъ подъ броню листовъ,
Проникнетъ влюбленный, прекрасный
Герой моихъ сладостныхъ сновъ,
И вдругъ попользетъ, извиваясь
Вокругъ кочерыжки моей,—
Восторгамъ любви отдаваясь,
Зажгусь я милльономъ огней.

Осенніе аккорды.

Style moderne.

Блѣдныя дали
Печали
Сулятъ.
Тихіе звуки
Мнѣ муки
Дарятъ.
Люблю я осени печальные аккорды.
Садъ обнажился,
Изжился,
Поблекъ.
Роза не пахнетъ
И чахнетъ
Цвѣтокъ.
Вдругъ, красно-желтый листъ упалъ на клавикорды.

Оглавленіе.

I.

Пять стихотвореній, посвященныхъ памяти недавняго прошлаго.

	стр.
1. Призывъ	5
2 Бастуйте	6
3. Основная программа	7
4. Semper progredi	8 -9
5. Памяти русскихъ моряковъ, погибшихъ въ Цусимскомъ бою .	10 11

II.

Эллегіи, думы, соннеты, посланія.

1. Къ морю	15
2. Утесъ	16
3. Прощаніе .	17
4. Сонъ .	17 18
5. По расписанію	18
6. Чайки .	19
7. Старый фрегатъ . .	19 20
8. Нашъ фрегатъ .	21 22
9. Ручей мира	22 23

стр.

10. Любовь . . 24
11. Уйди . . 24—25
12. Поэту . . 25
13. Дѣвушкѣ . . 26
14. Друзьямъ . . 26 27
15. В. Н. Денисову . . 27—28
16. В. А. фонъ Дрентельнъ . . 28
17. С. А. Р. . . 29—30
18. Ю. Э. Рего . . 30—31

III.

Примѣты моряковъ о погодѣ (переводъ съ англійскаго) . . 35 37

IV.

Шутки, сатиры, шаржи.

1. Походъ Генерала Гродекова на Гиринъ . . 41 42
2. Прощаніе съ Петровскомъ . . 42 43
3. В. С. Щербову . . 43 - 44
4. Все проходитъ . . 44—45
5. Herr Amende und Herr Nobel . . 45—47
6. Городъ Перновъ . . 47 - 48
7. Прощаніе съ Перновомъ . . 49
8. Ароматъ страсти . . 49 50
9. Осенніе аккорды . . 50